

Серия
«Фантастические миры
Александра Бушкова»

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ТЕНИ
В ТЕМНЫХ УГЛАХ
ЗАЧАРОВАННОЕ ОЗЕРО

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 6520
Б94

Иллюстрации Виктории Коноваловой

Бушков, Александр.
Б94 Тени в темных углах. Зачарованное озеро / Александр Бушков. —
Ростов н/Д : Феникс, 2025. — 428, [1] с. : ил. — (Фантастические миры
Александра Бушкова).

ISBN 978-5-222-41720-1

Вторая книга захватывающего цикла от мастера жанра фэнтези Александра Бушкова. Тарика и его друзей ждут новые, еще более опасные приключения в древнем королевстве Арелат. Покупка полезнейшей книги о нечистой силе, потрясающая ярмарка с развлечениями и яркими неожиданностями, поцелуи на мосту Птицы Инотали — от всего этого у Тарика голова кругом идет! Но тени над мирным городом стремительно стущаются. Молния разрушает купол церкви; ватажка Бабрата с ножами нападает на Тарика и Тами; несчастный случай на веселом празднике улицы Серебряного Волка уносит жизни мирных жителей — и за всеми этими событиями стоит та темная сила, с которой Тарику уже довелось столкнуться в первой книге серии. Юноше удастся заключить со Злом договор о перемирии, но срок его действия стремительно истекает, и Тарик отправляется в Озерный Край за помощью таинственных Зорких. По пути туда он будет похищен, но чудом сумеет сбежать из плена и добраться до цели. Помогут ли Зоркие Тарику? И сумеет ли сам Тарик выручить загадочную красавицу из другого мира, попавшую в беду?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-41720-1

© Оформление: ООО «Феникс», 2024
© Текст: Александр Бушков, 2024
© Иллюстрации: Виктория Коновалова, 2024
© В оформлении книги использованы
иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Характер нельзя закалить в тишине
и покое.

Только через испытания и страдания
можно укрепить дух, обрести цель
и добиться успеха.

Хелен Келлер,
американская писательница
(1880–1968)

Глава 1

НОВОСТИ ЯСНЫМ УТРОМ

Возвращаясь к себе в комнату, Тарик слышал звяканье посуды на кухне, а по дому плыли аппетитные запахи — маманя готовила завтрак, и до него оставалось еще достаточно времени, чтобы подумать глубоко и обстоятельно над происшедшим этой ночью, над небывальщиной, обернувшейся явью...

Чем Тарик и занялся, присев на стул, помнивший еще дедушку, но ничуть не расшатавшийся — хорошо в свое время поработал столяр.

Итак... Нежданно-негаданно совсем рядом, за невысоким редким штакетником, в соседнем доме объявилось и обосновалось... Что?

Не стоит торопиться, рубить плеча. С ходу называть это злом, тем более черным. Ничего толком не известно. Пока что уверенно можно говорить одно: милейшая бабушка Тамаж умеет оборачиваться

лесной пантеркой, в этаким виде заявила в грозовую ночь, убежала, получив кинжалом по голове, и, как только что лицезрелось, лишилась левого уха. Уж это-то сомнению не подлежит.

Вовсе не обязательно, что это черное зло, что она ведьма, или колдовка, или чаровница (откровенно говоря, Тарик смутно представлял, чем эти три вида нечистой силы друг от друга отличаются и отличаются ли вообще — говорят и так и этак...). Вполне возможно, она оборотень (а кто же еще?), но не все оборотни принадлежат к нечистой силе, с ними по-разному обстоит. Иные просто-напросто только перекидываться и умеют, и это еще не означает, что они черные, — но и к белым никак не относятся. Умение такое, неведомо почему допущенное Создателем. А иногда это и не умение, от человека оно не зависит, все получается по-другому...

Вот на средней из трех полок стоит «Человек в собачьей шкуре» — сочинение Стайвена Канга, раза три перечитанное (следом за приключениями капитана Фаулета у Тарика по читательской любви шествовали как раз голые книжки Канга). Герой книжки никакого касательства к оборотничеству не имел, равно как и к нечистой силе. Все иначе обстояло: молодой Мастер-лавочник взялся по весне вскапывать огород и выкопал старожитную бляшку в патине и яри-зеленушке (в точности как найденная Тариком в Серой Крепости, только в книжке она была не выпуклая, а плосконьякая). Сунул ее в карман, а закончив с копкой, чистого любопытства ради отчистил ее (правда, не эликсирами торговцев старожитностями, о которых и не слыхивал, а тем, что нашлось в доме: зубным порошком и жидкостями для посуды). Там на одной стороне обнаружилась собачья голова, а на другой — загадочные знаки. Вертел Мастер бляшку, вертел в пальцах — и вдруг обернулся здоровенным лохматым псом, что не сразу понял, но в чем убедился, узрев себя в зеркале в новом обличье.

(Дойдя в размышлениях до этого места, Тарик с некоторой опаской покосился на шкафчик, где лежала его бляшка, но тут же успокоился: бляшка прошла через множество рук, будучи уже

очищенной, и ни с кем, включая его самого, не произошло ровным счетом ничего — ни плохого, ни хорошего.)

Короче говоря, на ставшего псом Мастера посыпались невзгоды. Собственная служанка выгнала его из дома ручкой от метлы, приняв за бродячую псину, ухитрившуюся забраться на кухню. Собственный дворовый кобель задал трепку непрошеному гостю — и Мастер, перемахнув через штaketник, начал печальные странствия по своей Зеленой Околице. Пережил череду приключений — когда смешных, когда грустных, когда смертельно опасных (вроде того, как чуть не попался бродягам, охотившимся за собачьими шкурами, из которых шили зимние шапки, шубейки и втихомолку распродавали людям бедным и непритязательным). Говорить по-человечески он, в отличие от бабушки Тамаж, не мог, но, закончив Школариум и разумея грамоте, писать умел, каковое умение сохранил и в песьем обличье. После парочки неудач он все же сумел объясниться со старым Аптекарем с соседней улицы, любителем почитать книги о всякой небывальщине. Тот и растолковал: ничего тут нет ни белого, ни черного, попадались уже такие бляшки, хоть и редко, и они умеют что-то одно-единственное, вроде иного инструмента мастерового, ни на что другое не пригодного. И растолковал, как можно себе вернуть прежний облик: это легко сделать, имея бляшку, но очень трудно ее вновь заполучить, оставаясь в собачьей шкуре...

(К сожалению, чем все кончилось, пока неизвестно — Стайвен Канг, как многие сочинители голых книжек, обожает одной не ограничиваться, а, по выражению одного из студиозусов, гнать лошадей от рассвета до заката. Вот и сейчас Мастер пока остается в собачьей шкуре, а на последней странице пропечатано, как обычно, что «дальнейшее воспоследует»...)

Может, и у бабушки Тамаж есть похожая бляшка или что-то вроде нее? И она не имеет никакого отношения к нечистой силе? Конечно, она вот только что глядела на Тарику с лютой ненавистью и шипела сквозь зубы проклятья, но это еще ничего не доказывает — отхвати кто-нибудь Тарику кинжалом ухо, он бы тоже взирал на того отнюдь не кротко, без тени доброты...

Вот тут сам собой подворачивается вопрос: а насколько можно верить рассказанной Кангом истории, есть ли на самом деле такие бляшки, не черные и не белые?

С сочинителями голых книжек возможны самые разнообразные перипетии, это давно известно. Сплошь и рядом они скверно знают то, о чем пишут (но это не мешает успеху у читателей, знающих еще меньше). Имена сочинителей часто выдуманные, и мужчины не обязательно мужчины, а женщины не обязательно женщины. Один из соучеников студюозуса Клемпера как раз и сочиняет под женским именем душещипательные голые книжки про злоключения очаровательных бедных девушек — но всегда со счастливым концом, иначе женщины, которые только эти книжки и читают, разочаруются и новые покупать не будут. Что далеко ходить: не далее как вчера оказалось, что сочинитель усладительных виршей Митраль Тубар — на самом деле некая молоденькая дворянка.

Правда, с Кангом обстоит иначе: это его настоящее имечко, о чем Тарик еще полгода назад узнал от студюозуса Балле, коему сочинитель, представьте себе, приходится дальним родственником. Стайвен Канг — дворянин из хорошей фамилии, учился даже в университете семи изящным искусствам, но еще на середине обучения был с позором из студюозусов выключен за лютую страсть к горячительным напиткам. Все студюозусы мимо таверн не проходят, но Канг настолько погряз в вихре кутежей, настолько забросил учебу да вдобавок совершенно неполитесно стал преследовать дочку одного из профессоров, что в конце концов дело кончилось позорнейшей церемонией «прилюдного снятия университетской епанчи», что крайне редко случается...

Родственники его в беде не оставили, полагая, что беспутный молодой человек все же исправится — со многими случалось. Напрягли свои обширные знакомства и устроили с позором изгнанного студюозуса в женский Школариум. Однако и там Стайвен Канг показал себя с наихудшей стороны: то появлялся в классе в непотребно пьяном виде, то вообще несколько дней прогуливал, не представляя лекарских свидетельств, к тому же озоровал руками с

симпотными Школярками (до поры до времени они терпели и не жаловались). Крах наступил, когда горе-Титор после лекционных оставил якобы для дополнительных занятий первую красотку Школариума и всерьез попытался ее жулькнуть прямо на столе. На отчаянный визг Школярки сбежали все Титоры и вовремя бедняжку спасли — но в ходе спасения Канг вдребезги разбил о голову Главного Титора большущий глиняный мирообраз. Тут уж и родня отступилась, и Канга выгнали с позорной записью в служебном листе¹, с которой мало-мальски политесное место найти невозможно. К тому же пришлось неделю просидеть в укромных уголках: его старательно разыскивал отец Школярки, громогласно обещая отрезать уши и еще что-нибудь (а человек был суровый и решительный — боус торгового морского корабля с лицензией на пушки, всего навидавшийся в дальних морях и на дикарских островах). Только когда боус ушел в очередное дальнее плаванье, Стайвен Канг решился высунуть нос из своего убежища.

Но легче от этого не стало. Родители купили небольшую квартиру в недешевом «муравейнике», назначили скромное денежное содержание, но на порог не пускали, как и вся остальная многочисленная родня. Квартиру Канг пропил через два месяца, а еще через два родители перестали платить и содержание, когда Канг занял под него в три раза большие деньги, выписав вексель на отца...

Оставалось либо перебраться на Вшивый Бугор (где он оказался бы далеко не первым из благородных), либо бросаться с какого-нибудь столичного моста головой вниз. Однако показал себя счастливым случай. Еще в университете Канг, вдохновившись иными голыми книжками, написал свою. И теперь отнес ее к печатнику. Тот решил рискнуть и не прогадал: голая книжка с придуманным им завлекательным названием «Болотные упыри» и соответствующей картинкой на обложке продается очень даже неплохо. Тогда печатник поселил Канга в своем доме (отчего с бегом времени затяжелели две служанки и кухарка), ограничил в крепких напитках, выдал стопу бумаги, бутылку чернил и заставил трудиться.

---

¹ Служебный лист — подобие трудовой книжки.

И дело, как ни удивительно, пошло. Возможно, благодаря придуманной хитроумным печатником системе: полтора месяца Канг не разгибаясь трудился за столом, а потом две недели потреблял крепкие напитки в любом желаемом количестве. Таким манером он за десять прошедших лет насочинял сорок книжек, и все хорошо продались. Уже через три года Канг стал обладателем трехэтажного особняка с садом (где и обитал по сию пору), но трудился по той же системе. Что любопытно, за него в тот же год вышла замуж та самая заневестившаяся бывшая Школярка (Балле сказал по этому поводу: «Три вещи непостижимы: пути звезд, бег морских волн и женская душа»).

Надо отдать ему должное, говорил Балле: освободившись от жесткой опеки печатника, Стайвен Канг все остальные годы строго соблюдал прежнее расписание — полтора месяца упоенно писал, две недели заливал в утробу все, что крепче фруктовой воды. Его читатели и читательницы с придыханием рассказывали всем и каждому, что их любимый сочинитель несколько раз в год путешествует по самым глухим и отдаленным уголкам королевства, собирая истории для новых книжек (и гордится тем, что именно он придумал для них новое словечко «жутик», каковое сейчас красуется на обложке каждой книги). Очень может быть, словечко он сам и придумал, но вот с путешествиями обстоит очень даже иначе: сочинитель в жизни не покидал столицы, а по захолустным уголкам Арелата ездят дюжины две его, так сказать, приказчиков, они и собирают разные завлекательные случаи, страшные легенды, не вышедшие за пределы этих мест, и тому подобное подспорье для Канга. Балле и сам совершил пару таких путешествий (его семья небогата, а студюзус может взяться далеко не за всякий приработок, простолюдинам гораздо легче). При этом Балле ни словечком не заикнулся сочинителю, что они дальние родственники: Канг и ближних-то, начиная с родителей, терпеть не мог за то, что бросили его в трудную минуту, — мало того, при первом удобном случае изображал их в виде главных злодеев...

Балле рассказал: один из таких «приказчиков» и раздобыл в северной глухомани королевства известную только там легенду о Черной Карете, что разъезжает ночами без лошадей по проселочным дорогам и приманивает неосторожных, которых потом никто и никогда больше не видел. Однако студиозус добавил: надо отдать Кангу должное, все привезенное он не переписывает, а расцвечивает изысками собственного воображения (приходящего, есть такие слухи, как раз во время очередного загула). Так обстояло, помимо прочего, и с голой книжкой «Бродячая карета» — Канг перенес действие в столицу, карету без лошадей сделал таким оборотнем, каждую ночь менявшим облик от облезлой извозчицье до роскошной дворянской. Так она и разъезжала по безлюдным улицам, при виде подходящей добычи заранее останавливалась и призывно распахивала дверцу. Припозднившийся путник туда заглядывал — кто из чистого любопытства, кто из желания найти там что-то ценное. И всякий раз исчезал, так что и косточек не находили. Самое занятное: эта история потом стала натуральной городской легендой, так что иные отчаянные мальчуганы (как и Тарик с друзьями три года назад) поздней ночью, украдкой выбравшись из дома с колотящимся сердцем, бродили по улицам потемнее, надеясь встретить Бродячую Карету — и, высмотрев ее загодя, вовремя убежать. Иные даже уверяли, что это им удалось, но доказательств не было никаких...

Одним словом, благодаря болтливости Балле Тарик знал о Стайвене Канге, пожалуй, больше, чем все остальные читатели, вместе взятые. А потому появилась нешуточная надежда, что знаменитый сочинитель может рассказать что-то интересное о женщинах, способных оборачиваться дикими зверями, — почерпнутое не из собственной головы, а из раздобытого «приказчиками» (нельзя исключать, говорил Балле, что иные истории — не плод воображения обитателей захолустья, а в самом деле однажды произошли в глухомани). Вот она на средней полочке — «Моя прелестная зверюга» пера Канга, купленная три года назад. Разве что зверем там оборачивалась не старуха наподобие бабушки Тамаж, а молодая красивущая

трактирщица из затерявшегося в западных чащобах городка, и не лесной пантеркой скидывалась, а лесной тигрой. И разоблачил ее приехавший в те места раскрывать череду загадочных убийств любимый герой Канга — молодой сыщик. Имя у него всякий раз было другое, иногда он служил в Сыскальной Страже, иногда в Тайной, но всегда был молодым симпатичным острословцем и храбрецом. Иногда все кончалось счастливо, иногда грустно, как в «Моей прелестной зверюге». Поначалу, приехав в эти места, сыщик закрутил с трактирщицей пылающую любовь (Стайвен Канг был мастером любовных сцен, каковые описывал смачно и подробно, но гораздо красивее, чем в растрепках), но потом стал подозревать, что лесная тигра — это она и есть, отчего разрывался меж служебным долгом и чувствами. Конец был печальным и душещипательным: сыщик подстерег лесную тигру на поляне и выпалил в нее серебряной пулей из верного пистолета Громобоя (это ему деревенский знаткой старичок посоветовал так поступить с оборотным зверем, коего обычные пули не берут), а когда тигра умерла, на ее месте лежала обнаженная прелестная трактирщица с пулей в груди. И молодой сыщик уехал из тех мест с разбитым сердцем и опаленной душой...

Так что у Тарика зажглась нешуточная надежда узнать у Стайвена Канга побольше об оборотнях. И эта серебряная пуля — по иным рассказам, безотказное средство против нечистой силы, пусть и не всякой. Ухо Тарик отхватил лесной пантерке как раз кинжалом с серебряной чеканкой на лезвии. Совпадение или нет? Кто бы растолковал...

Между прочим, сегодня у Канга (если только заведенные порядки остались прежними) как раз то, что у почитателей именуется День открытых дверей, так что нужно рискнуть и попробовать. Урочное время еще не скоро, ближе к вечеру, утренние хлопоты на огороде много времени не займут, каникулярный день свободен...

Впервые в его жизни (стоит признать, не такой уж долгой) нечто непонятное и, очень похоже, злобное обосновалось вопреки голым книжкам не в отдаленной глуши, а совсем рядом, по соседству, за невысоким штакетником, меньше всего напоминавшим могучую

крепостную стену. Однако Тарик не чувствовал в душе ни страха, ни даже тревоги — как ни странно, наоборот, ощущалось нечто похожее на щекочущий азарт приключения. Ни малейшего зла загадочная пантерка причинить ему не смогла — значит, силенок не хватило. Если бабушка Тамаж только и умеет, что оборачиваться лесной пантеркой, большого вреда от нее не будет — уж понятно, чего она боится. Ну а то, что ей удалось как-то отвести глаза грузалям в порту и остаться невидимой вместе со своим загадочным собеседником (сообщником, ага!), тоже не пугает — Тарик-то ее распрекрасно видел...

Из книжек Стайвена Канга да и других сочинителей следует: оборотня можно убить только серебром — и то же самое говорят иные деревенские легенды. Отсюда насущный вопрос: то, что Тарик отхватил ухо пантерке кинжалом с серебряной насечкой, — простое совпадение или нет? Далеко не все Канг выдумывает, многое берет из жизни — если правда, что легенды глухих мест что-то из жизни заимствуют...

Может, и странно, может, и смешно, но Тарика в первую очередь занимало другое: коли уж старуха несомненно преисполнилась к нему враждебности, то вряд ли будет соблюдать старые порядки, заведенные дядюшкой Пайолем. А значит, судьба орешника и старой мельницы насквозь туманна. Без орехов еще можно прожить, а вот старую мельницу, их давнее обиталище, будет не на шутку жаль...

Задумки предстоящих действий уже окончательно оформились в то, что военные люди называют «планом кампании». Да и время завтрака подходило, опаздывать не полагалось, и он пошел в кухню.

Сидя за столом, быстро определил, что взгляды папани и мамани порой по-вчерашнему сцепляются, но уже как бы затухающе, что ли. Ну да, Дастер и Делла провели веселую и бурную ночь, и вряд ли им стала помехой гроза с молниями и громом — Тарик бы пренебрег любыми громами и молниями, окажись ночью с ним рядом... Но не стоит пестовать сладкие мечтания, еще ничего не решено.

Маманя покончила с завтраком первая и сказала: она сегодня затевает большую стирку, пойдет замочит белье, а посуду вымоет

потом — Нури с утраца будет занята в огороде. Когда она ушла, папаня посмотрел на Тарика словно бы с затаенным лукавством и, шумно прихлебывая чай, сказал:

— Ну, Тарик, радуйся: через неделю поедем-таки в Кудрявую Межу и пробудем там дня два. Вчера на лавку прислал письмо земан. Телята нагуляли мясца, можно их торговать. Того ротозея-пастушонка как следует отходили розгами и к скотине больше не подпускают, так что можешь радоваться...

С напускным безразличием Тарик сказал:

— А чего ради особенно так радоваться, папаня? Нет, я всякий раз рад в деревню поехать, но чтоб так уж от радости прыгать...

Папаня оглянулся на приотворенную кухонную дверь и немного понизил голос. В глазах у него играла та же лукавинка:

— А дочка земана? Как бишь ее? Сдается мне, у вас очень даже слаживалось...

— Да с чего вы взяли, папаня? — пожал плечами Тарик с видом полнейшей невинности.

— Притворяйся больше! — фыркнул папаня. — Хоть я и был тогда в растрепе чувств из-за нежданного телячьего падежа, однако ж сразу заметил, едва мы с земаном в дом вошли: пока нас не было, вы там время зря не теряли. Ну, положим, девчонка имела вид самый невиннейший — ну да юбчонки этому с ранних лет учены. А вот ты, сынуля, был малость встрепанный и словно бы недовольный. Мы, мужики, никогда не умеем так искусненько чувства прятать... Вольничали, а? Да ладно, и так все ясно, чего там. Ладно, говорится же, что сын не дочка, в подоле не принесет... Так что скоро свидишься со своей зазнобой, и будет у вас аж два денька. А насчет осторожности в этих делах, чтобы не вышло тяжеленья, я тебе совсем недавно растолковывал, когда стало ясно, что ты уже кой к чему годный... Или не рад? Девчонка симпотная, хоть, чует мое сердце, егоза еще та — ну так у незамужних это даже и достоинство... Тебе к ней, ежели рассудить, не свататься. И парень смолоду погулять должен. Но только смотри, — поторопился он добавить. — Скажу тебе как большому: я в молодые годы изрядно

погулял, а потом нашел такую, что двадцать годов от нее гулять не тянет... — Он снова посмотрел на кухонную дверь, на сей раз с некоторой мечтательностью. — Веришь?

— Верю, папаня, — ответил Тарик.

Искренне это сказал, вспомнив то, что наблюдал ночью, — никак не похоже, чтобы Дастер и Делла друг другу прискучили, счастливики...

— Так что готовься вскорости в дорогу, — сказал папаня. — Рад?

— Еще как, — сказал Тарик.

Вот на сей раз он откровенно кривил душой — белый свет сошелся на Тами, и он поймал себя на том, что начисто забыл даже имечко этой егозы из Кудрявой Межи. Однако папаня, похоже, ничего не заметил, сказал удовлетворенно:

— Вот и готовься к дороге. Подарочек ей какой-нибудь прихвати, что-нибудь такое городское, чего в деревне нет. Поел? Ступай в огород, тебе сегодня две бочки накрутить. Я-то думал, гроза будет с ливнем, сами наполнятся, а обернулось иначе — посверкали молниями тучи и уползли. Ну, бывает и так... Ступай.

— А больше сегодня ничего не надо по дому, папаня? — спросил Тарик уже от двери.

— Ничегошеньки. Так что можешь до темноты шлындать. — Он лукаво подмигнул: — А то и по темноте. Мать говорила, ты на новую, на гаральяночку, глаз положил?

— Да ну, так уж и положил... — сказал Тарик. — Еще незнамо, будет ли она со мной дружить или прислонится к другому... Ничего еще не решено...

— Ну, авось ты и в этом везучий, в меня... — Отец снова подмигнул, но продолжал серьезно: — Только посматривай. Девчонку я не видел, а дядю ее видел: когда шел в лавку, он как раз со двора выезжал верхом. Мужик, сразу видно, хваткий и решительный, как все гаральянские егеря. Навидался я их. Это наш, уличный, в случае чего тебе просто по шее наkostenяет, а гаральянец очень даже свободно может и уши отрезать или еще что-нибудь... Горячий народ,

по своим хваткам живет, а они не всегда с нашими и совпадают, посуровее будут... Учи.

— Непременно учту, — пообещал Тарик, и в самом деле склонный отнестись к предостережениям папани серьезно: кому неизвестно, что гаральянцы — народ вспыльчивый и своеобразный, со своими хватками. Однако искренности ради нужно сказать, что он, если у Байли кончится впустую, отступить не собирался. Дело не только в том, что Тами красивущая: приятно возбуждало ощущение неясной опасности — ничего похожего на прежнее, тут совсем другое — ухаживать за девчонкой, чей дядя может запросто гоняться за тобой с кинжалом за что-нибудь совершенно безобидное по городским меркам. Очень может быть, что книжки не врут, когда пишут, что ценнее и приманчивее всего та девушка, из-за которой нос к носу приходится сталкиваться со всевозможными опасностями...

В огород он пошел босиком, как всегда, а там и рубаху скинул, повесил на калитку — жарковато было, а впереди — колодец и два раза по сорок ведер, упаришься. Небо чистое, безоблачное, и, как всегда бывает утром, все цвета особенно чистые и яркие, словно мир только что сотворен Создателем и еще не успел переполниться людскими грехами, даже чуточку потускнеть. И тишина вокруг несказанная, покойная. Такое вот летнее утро — смело можно сказать, самое любимое Тариком время года. Яркие цвета, покой, безмятежность разлита вокруг...

Вот только о покое и безмятежности пока что придется забыть напрочь — после того, что случилось этой ночью... Дом бабки Тамаж казался пустым и безжизненным. Если бы старуха не появилась утром по ту сторону забора, Тарик поручился бы, что там давно никто не живет. Отсюда видно: за несколько дней огород пришел в совершеннейший упадок. Зелень не завяла, но ботва морковки поникла, а широкие листья земляных яблок² самую чуточку свернулись по краям — сразу видно, их не поливали и не намерены заниматься этим впредь, иначе давно либо сама бабка, либо ее загадочная служанка (а есть ли она вообще?) давно захлопотали бы у колодца. Орешник

---

² Земляные яблоки — помидоры.

зеленеет как ни в чем не бывало — он поливки не требует, — но об этих орехах, теперь ясно, следует забыть. Вряд ли тебя станет потчевать орехами старуха, которой ты отрубил ухо...

Вздохнув, Тарик зашел в огород и, как всегда, задержался у калитки, не без приятности разглядывая свои владения. С тех пор как старший брат ушел в солдаты, заботы об огороде лежали исключительно на нем (Нури далеко не во всем помогала). Так что он, как любой мальчишка Зеленой Околицы, прекрасно понимал ту гордость, с которой землероб обозревает свое хорошо возделанное поле...

Справа налево, громко топая, прокатился немаленький колючий комок — ежик Иголыч, ночное создание, возвращался домой после ночных трудов в огороде. На Тарика он, как обычно, не обратил ни малейшего внимания: независим был. Проворно скрылся в немаленькой норке, черневшей меж корнями трухлявого пня — дерево это срубили, когда засохло, еще до рождения Тарика, а теперь там устроился Иголыч. Пришел из дальнего леса шесть лет назад и, как быстро выяснилось, обосновался на постоянное жительство, отчего выходила одна польза: ночью он ловил жуков и гусениц, от которых огороду один вред, зеленых ящерок-плодожорок и даже оплошавших мышей — за что ему каждое утро ставили к норе плошечку с молоком. Многие Тарику завидовали: ежик — создание независимое и вольное, если сам не придет и не поселится, взаперти его держать бессмысленно, это не крол и не домашняя птица...

Кусты земляных яблок, прихваченные тряпочками на кольях, стояли ровными рядами, как солдаты на параде; все яблоки, конечно, еще зеленые, но число их было велико, так что осень ожидается урожайная. Зеленели перья лука, наливающиеся верхушки редисок виднелись над землей. Тарик задержался у грядки с морковью, приглядываясь. Высмотрел подходящую и легко выдернул, словно гвоздь из чашки с киселем. Желтая морква не набрала еще длины и толщины, но вполне годилась, и Тарик ее в два счета схрумкал, наспех обтерев от земли подолом темной огородной рубахи. Ни с чем не сравнится сладкая и сочная морква, только что выдернутая с грядки, — это вам любой скажет, кто имел дело с огородом.

Аккуратным рядочком стояли тугие капустные кочаны, не доросшие еще до должного размера. Такими же солдатскими шеренгами зеленели кусты земляного хруста, давно в свой срок прополотые и окученные, так что оставалось через месяц выкопать. Вольготно протянулись огуречные плети, и Тарик заглянул в несколько желтых цветков. Там все обстояло, как надлежит: в одних чашечках появились желтые столбики, из которых вскоре получится огуречная завязь, другие оставались пустыми, и хорошо, что их было гораздо меньше. Ну что ж, пусть себе отцветают, с ними никогда не возьтятся...

Подсолнухи, как им и полагалось, повернули к утреннему солнышку широкие головки, окаймленные желтыми листьями. Полдюжины тыкв приготовились дорасти до приличной величины — значит, будет немало семечек (в отличие от старшего брата, саму тыквенную мякоть Тарик не особенно любил, так что в детстве главным наказанием для него служил не папанин ремень, а большая миска тыквенной каши, которую надлежало съесть до последней ложки). Вот только ореховый куст сиротливо возвышался единственный, но тут уж ничего не поделаешь: не приживаются каждый год черенки, хоть ты тресни. Может, и есть какие-то подручные заклинания, допускаемые Создателем, но их держат в тайне и огородники, и землеробы — а ведь должны быть, известно же, что святой Ниато благословил почти не плодоносившую яблоню, и с тех пор у нее цветки ломались. С другой стороны, это был святой, а какая у нас, грешных, святость...

Тарик прошел к колодцу, аккуратному бревенчатому сруб, прикрытому четырехскатной крышей на высоких столбиках, снял тяжелую крышку из толстых досок. Многим не по душе черпать воду, но он это занятие любил. Привычно раскрутил гнутую железную кружку, так что она слилась в сверкающий круг, ведро на цепи улетело вниз и звонко шлепнулось в воду, так что деревянный вал, схваченный железными обручами, ненужно прокрутился, намотав пару-тройку лишних витков цепи. Угадав момент, когда полнехонькое ведро потонуло (а что же не угадать, когда цепь натянулась, колыхая звеньями), Тарик стал крутить ручку. Вот тут уж приходилось

потрудиться — но наконец над срубом поднялось ведро, стекавшее струйками. Ага, и Нури появилась — нескладная, в темном огородном платице, босиком... оно и понятно: в это время года кабальница и необутой походит.

— Опаздываешь, — сказал Тарик скорее весело, чем укоризненно.

— Уж простите, молодой хозяин, я что-то немножко заспалась... — серьезно ответила Нури и как обычно приняла пришибленный вид, хотя Тарик никогда не обращался с ней строго (впрочем, и дружески тоже — не оттого что она кабальница, а из-за этой ее нескладности).

— Ладно, прощаю, — сказал Тарик для порядка. — Начали...

И пошла работа: Нури таскала воду двумя полуведерками (маловата еще, чтобы нагружать ее тяжелой ношей), а пока она ходила туда и обратно, Тарик успевал вытянуть очередное ведро. Так что работа спорилась. Она отняла время, но все же не такое уж долгое, и с каждым ведром дело близилось к концу. Другой огородной работы на сегодня не было, так что утро удалось как нельзя лучше. Когда крутишь ворот, голова ничем не занята, и Тарик успел как следует обдумать оба намеченных на сегодня дела, а над третьим размышлять не стал — неизвестно еще, понадобится ли оно вообще...

Он нарочно встал лицом к бабкиному дому — но все это время тот оставался как бы нежилым. Приготовь бабка еду на «огневи́ке» — над трубой обязательно дрожал бы раскаленный воздух, как над костром, но ничего подобного Тарик не заметил. Может, они, такие, вообще не едят и не пьют? Кто бы растолковал... Тьфу ты! А ведь есть надежный способ кое-что узнать! Прямо сейчас его в ход пускать не стоит, а вот вечером, в отсутствие других дел, нужно попробовать.

Его мысли разогнал голосок Нури:

— Молодой хозяин, воды больше не нужно, и вторая бочка полнехонькая до самых краев...

Тарик взял стоявшее на широком краю сруба полное ведро, налил оба полведерка и распорядился:

— Отнесешь в дом, там вроде чистая кухонная бадейка наполовину пустая. Ну, и все, больше сегодня на огороде у нас дел нет. Кролов накормишь, но это уже без меня, что тебя учить... Травы нарвала?

— Конечно, молодой хозяйин, только порезать немножко осталось. И дробленка готова, хозяйка показала баклажку...

Однако она не ушла, как следовало бы, а осталась стоять, не взявши полуведерок, и посматривала на Тарика как-то непонятно, чего в подобной их работе прежде не случалось. Чтобы не затягивать, он спросил напрямую:

— Сказать что-то хочешь? У тебя такой вид...

Кабальница быстренько осмотрелась вокруг, словно опасалась, что кто-то может их подслушать при полном безлюдье, потупилась — и наконец решилась. Сказала, глядя мимо Тарика:

— Молодой хозяйин, хотите, я буду у вас сосунком? Я еще не умею, да дело, говорят, нехитрое. Вы мне подскажите, ежели что, а я уж постараюсь... и плавать не буду. Когда только захотите...

Вот уж неожиданное предложение, как черепица с крыши на голову упала! Тарик даже не нашелся сразу, что сказать. Нури продолжала увереннее, правда, все так же чуток отвернувшись:

— Вы ж уже в тех годочках, молодой хозяйин, когда душа требует. И я так очень даже запросто... Никто ничегошеньки не узнает: ни старшие хозяева, ни еще кто... И ничего такого особенного мне от вас не надо, разве вот только...

— Что — только? — спросил Тарик все еще чуточку ошеломленно, без всякого делового интереса.

— Да подарите мне тогда шустак-другой, вот и будет ладненько... — Нури открыто посмотрела ему в глаза. — Меня ж от этого, наши девахи наставляють, не убудет, а вам будет приятно. Ни одна еще от этого не затяжелела... Завтра ярмарка будет, и хозяйка, дай ей Создатель здоровья, меня отпустила и даже шустак пожаловала. У меня еще немного прикоплено медяшек, но там же столько будет всякого, глаза разбегутся... Вот бы сейчас прямо и пошли в сараюшку. Старший хозяйин в лавку ушел, хозяйка стиркой занята,

а вам нынче ученую премудрость постигать не надо, у вас вольные денечки... Пойдемте? Я правда плевать не буду, все до капелюшечки сглотаю...

— Нет уж, — сказал Тарик, нисколько не раздумывая. — Ступай носи воду, а задумку эту выбрось из головы. Пару шустика я тебе ради ярмарки и так подарю.

— А может, все ж таки...

— Шагай, кому говорю! — прикрикнул Тарик уже с надлежащей строгостью в голосе.

Поддействовало. Подхватив полуведерки, Нури пошла к бочкам, а Тарик задумчиво смотрел ей вслед, немножко копясь в себе...

Положа руку на сердце, порывшись в глубинах души, наедине с собой можно признаться: при других раскладах он, очень может оказаться, и отозвался бы на такое предложение, не раздумывая сходил бы в сараюшку. Это с девчонками моложе двенадцати годочков вытворять этакое, пусть даже не жульканье, крайне предосудительно — пару дюжин розог вмиг отхватишь, а при особенном невезении можно и загреметь в Воспиталку. Но в том случае исключительно, когда речь идет о вольных горожанках. Кабальницы — совсем другое. Вообще-то, и их жулькать, не достигших четырнадцати годочков, считается немного предосудительно — но это чистая негласка и не более того, писанных регламентов наподобие тех, что защищают горожаночек, тут нет. То, что предлагала только что Нури, ни под какие негласки не подпадает, кабальница — полная собственность хозяина. И ограничься бы Хорек только этим, Тарик не смотрел бы на него так презрительно. В конце концов, есть в их классе в Школариуме двое зухов, любящих при случае похвастать, что недавно сделали сосунками родительских кабальниц — вовсе даже не принуждая, обе, годочки Нури, охотно согласились за невеликую медную денежку и подарочки вроде дешевых лент в волосы и браслетиков-колечек. Никто в классе не сомневается, что парнишки не врут, а говорят правду: кабальницы есть кабальницы, знают свое незавидное местечко на грешной земле. К тому же, как только что сказала Нури, их от этого не убудет...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Новости ясным утром.	3
Глава 2. И гром фанфар, и благолепная тишина.....	30
Глава 3. Новости радостные, грустные и заставляющие задуматься.	49
Глава 4. Веселая коловерть.	67
Глава 5. Шелка, стрелы и подковы	99
Глава 6. Перья из крыла Птицы Инотали	134
Глава 7. Печальный вечер и волшебная ночь.	166
Глава 8. На берегу спокойной реки. День первый.	250
Глава 9. Эти шестеро. День первый	284
Глава 10. Под пламенем свечи. День второй	304
Глава 11. Тихая деревня на красивом озере	379

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ТЕНИ В ТЕМНЫХ УГЛАХ

Зачарованное озеро

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2024. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».

Юр. адрес: 124498, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Старое Крюково,
г. Зеленоград, пр-кт Георгиевский, д. 5, помещ. 8/1Т.
Факт. адрес: 432980, Россия, Ульяновская обл., г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.